

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

ПОСЛЕДНИЙ
АЛХИМИК

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К70

Разработка серии *С. Курбатова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *И. Варавина*

Корчевский, Юрий Григорьевич.

К70 Последний алхимик / Юрий Корчевский. — Москва : Эксмо : Яуза, 2017. — 320 с. — (Героическая фантастика).

ISBN 978-5-699-97159-6

Никита Волков, кандидат химических наук из Санкт-Петербурга, проводит опыты в своем закрытом НИИ. Но что-то пошло не так, и он неожиданно оказывается в подвале средневекового алхимика. На дворе лето 7103 года от сотворения мира...

Чтобы выжить, Никита добывает из руды золото и пытается создать философский камень, но большого успеха не достигает. Зато у него ненароком получается синтезировать омолаживающий эликсир, который он испытывает на престарелой боярыне. О чудо! Эликсир сработал, превратив старушку в юную девицу. Алхимик влюбляется в девушку, как Пигмалион в свою Галатею, и она отвечает ему взаимностью. Но накануне свадьбы за женихом приходят служивые люди из Разбойного приказа...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97159-6

© Корчевский Ю.Г., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1

ДОСТУКАЛСЯ

икита химию любил ещё со старших классов школы. Кому-то по душе литература, другим — точные науки, вроде математики. Он мечтал стать химиком, единственный в классе. После школы поступил в вуз, один из немногих был оставлен в родном Санкт-Петербурге в Научно-исследовательском институте. С годами защитил кандидатскую диссертацию, стал младшим научным сотрудником. Постепенно, под влиянием своего руководителя, стал сотрудничать с биохимиками. Направление относительно новое, перспективное. Новые лекарственные препараты создавались как раз на стыке биохимии и генетики. В генетике Никита не понимал ничего и не лез. Ему своих опытов хватало с лихвой. Вечно ходил на работе в прожжённых халатах. Как ни берегись, а брызги кислоты или щёлочи иной раз попадают. Глаза берёг, защитными очками не пренебрегал. Но дожил до тридцати лет и не женился. Умён, собой недурён, но пахло от него не одеколоном, а химией едкой. Да и какая зарплата у МНС в девяностые? Хороший подарок сделать не мог. А в ресторанах уже дельцы — барыги в малиновых пиджаках с золотыми цепями в палец. Государство все

прикладные институты финансировать практически перестало, хоть в грузчики иди. Кто пошустрее был да иностранными языками владел, из института уволились, за бугор уехали. Остались только идейные да фанатики, вроде Никиты. Чтобы выжить, многие сотрудники левые подработки брали. Никита долго противился, но живот доводов разума не принимал. Допекло его, когда последние туфли прохудились, а купить не на что. Вовремя коммерсант подвернулся с предложением — создать рецепт смеси, самоотвердевающейся при проколе колеса. Подсмотрели на Западе новинку, хотели собственное производство открыть. Заманчиво, ибо денег предложили много, фактически его годовую зарплату. После работы оставаться стал допоздна. Сначала теорию изучил по умным книгам, потом стал экспериментировать со смесями. Заработался, забыв про время, почти до полуночи. Потом посмотрел на часы, поторапливаться стал, иначе можно и на метро не успеть, а денег на такси не было. И, видимо, по ошибке не ту кислоту в раствор вылил. Сначала из колбы повалил серый едкий дым, потом стекло с хлопком разлетелось. Никита от стола отшатнулся, споткнулся, упал. Дым наполнил лабораторию. Он закашлялся, хотел встать, но вверху дым был гуще. Ползком, потом на четвереньках направился в сторону двери. Толкнул рукой в то место, где дверь должна была быть, а рука на стену наткнулась. И всё бы ничего, ошибся, бывает, да только стена каменная, а не гладко оштукатурена. Удивился. Потянуло сквозняком, дым стал рассеиваться, и он увидел себя сидевшим на полу в неизвестном помещении. Мало того, в подвале, судя по полукруглому

своду и маленькому оконцу сверху. В институте таких подвалов не было. Встал, осмотрелся. Длинный стол, склянки коричневого стекла, пахнет привычно, как в любой лаборатории — реактивами. Но почему освещение от двух факелов, чадящих в держателях на стенах? Электричество человечеству уже сто лет служит!

Хлопнула массивная деревянная дверь, в подвал вошёл кряжистый мужик в рубахе косоворотке, подвязанной верёвкой, в штанах из грубой ткани, в коротких полусапожках. И что поразило больше — с огромной, лопатой, бородой. Волос и на голове хватало, видимо, у парикмахера давно не был. Первой мыслью было — старOVER? Уж больно похож, как их на портретах рисуют. А второй — не сумасшедший ли? Какой старOVER будет химией заниматься? Мужик уставился на Никиту.

— Простите, я случайно сюда попал, — сказал Никита.

Неудобно, без спроса в чужое помещение попал, вроде как вор.

— Нос в чужие дела суешь? Кто подослал?

— Клянусь — никто!

— Стало быть, сам секреты выведать хочешь?

— Я, конечно, химик, но мне ваши секреты не нужны. И попрошу мне не тыкать.

— А ты разве боярин? По одежке судить да по роже бритой, так немец.

— Я же по-русски говорю.

— Сколь в государстве иноземцев по-нашему балакать научились, а нутро-то немецкое. За хорошие деньги служат государю.

Точно, сумасшедший мужик, про государя говорит и внешность разбойничья.

— Не понял я что-то. Государь кто?

Если скажет не Путин, бежать из подвала надо, уж больно местечко мрачные мысли навевает.

— Знамо кто, не тёмные мы! Царь Фёдор Иоаннович, многие ему лета.

Точно, крыша поехала у мужика, надо выбираться. Никита вокруг стола бочком-бочком к двери. И мужик там стоит, не двигается. Попробуй его обойди или отодвинь, если кулаки здоровенные.

— А год какой? — спросил Никита.

Пока разговор идёт, мужик в драку не кинется. Драться Никита не умел, за что ещё в школе «ботаником» прозвали.

— Почто пыгаешь? Али из Разбойного приказа? Лето ныне семь тысяч сто третье от сотворения мира.

Никита быстро в уме пересчитал. Получалось — 1595 год от Рождества Христова. Несуразные вещи мужик говорит с серьёзным видом. По словам — сумасшедший, но поведение не такое, как у умалишённых. Никита с ними не встречался никогда, но полагал, что необычно они себя ведут — закатывают глаза, пускают слюни, кривляются.

— А сам-то чьих будешь?

— Что значит чьих? Я сам по себе, вольный человек.

— Вольный — это хорошо. А про химика соврал?

Мужик шагнул к столу, взял склянку, протянул Никите.

— Это что?

Никита притёртую пробку открыл, ладонью воздух к носу толкнул. Если из флакона нюхнуть, можно получить ожог слизистой носа и нюх надолго утратить.

— Сера.

— Верно. Говорят, серой от дьявола пахнет.

— Сказки для детей.

— В Бога-то веришь?

Никита вытащил из-под футболки нательный крестик на тоненькой верёвочке. Родители в детстве его крестили, в церковь иногда захаживал, но воцерковленным не был, не причащался таинств Христовых. Мужик счёл доказательство убедительным, кивнул головой. Никита крестик спрятал.

Мужик ещё склянку дал. Никита пробку снял. Да тут и принюхиваться не надо — уксус. По-научному уксусный альдегид, трихлоруксусная кислота. Улыбнулся.

— Уксусная кислота.

— Верно. Похоже, на самом деле химик. У иностранцев обучался?

Никита с ответом решил поосторожнее быть, кивнул.

— А я алхимик. Знаешь, что такое?

— А как же! Поиски философского камня, превращение металлов в золото.

Мужик себя ладонями по ляжкам хлопнул. Звук получился, как пушечный выстрел. Никита вздрогнул.

— Тогда знакомы будем. Антип!

— Никита.

Мужик протянул руку. Никита пожал и скривился. Сила у мужика медвежья.

— Вижу — человек учёный, что редкость. А что я тебя раньше в Твери не видел?

— Я разве в Твери?

— Зело странные у тебя ответы. Пойдём во двор, убедишься.

Поднялись по крутым каменным ступеням, вышли во двор. Деревянная изба, хозяйственные постройки. Антип вывел его на улицу.

— Зри! Вон главка церкви Белой Троицы, а вон там, голову поверни, Успенский собор.

Про Успенский собор Никита знал, что в 1569 году царский опричник Малюта Скуратов там задушил в келье митрополита московского Филиппа. Почему-то это его убедило. Да и улицу увидел, дома. На улице проезжая часть плашками крыта и никаких признаков цивилизации — столбов с проводами, телевышки. Выходит, Антип не сумасшедший. Никита ущипнул себя за руку. Больно! Стало быть, и у него не глюки, всё на самом деле. Он в Твери конца XVI века. Ужас какой! Даже не ужас, а ужас-ужас! Что сегодня и завтра есть будет и где спать?

Антип остался доволен произведённым впечатлением. А ещё интуицией уловил растерянность Никиты, хотя он старался скрывать её.

— Скажи, мил-человек Никита. Похоже, ты и сам не подозревал, что в Твери очутился?

— Именно так.

— И денег у тебя нет, как и двора своего?

— Нехорошо на больную мозоль наступать.

— При чём тут мозоль? Пойдёшь ко мне в подмастерья?

Никита осмысливал услышанное. Похоже, подвочивался шанс. Сейчас главное — уцелеть, сохраниться, всё остальное потом. Но сразу соглашаться нельзя.

— Какие условия?

— Вопрос правильный, стало быть, ты человек обстоятельный, похвально. Моя крыша и харчи, за труды будешь получать одну московку в день. Как?

И смотрит хитро. А сколько это — московка? Что на них купить можно? А в принципе — паспортов здесь нет, как и трудовых книжек.

— Согласен!

Антип протянул руку для пожатия. Никита подумал — от радости. Позже выяснилось — так скрепляли договор. Пожал руку после обсуждения условий, как печать поставил. Всё на честности. Купцы так огромные сделки совершали. И поди подведи, не исполни. Сразу слух пойдёт, с обманувшим никто дел иметь не будет.

— Тогда пойдём, отообедаем. Супружница Анастасия знатные щи сварила на курином бульоне.

Антип первым к избе пошёл, Никита за ним. Корил себя в душе. Поторопился он в своей лаборатории, ошибку допустил, за которую расплачиваться надо. Называется — достукался!

В избе Антип представил его жене, женщине дородной, в красном сарафане.

— Мой подмастерье, человек учёный.

Женщина оглядела Никиту с любопытством.

— Мало тебе, что пальцем показывают, так ещё иноземца взял.

— Наш он, русак.

— Одежда не нашенская и лицо бритое. Схизматик?

— Православный он, сам крест видел.

Под схизматиком понимался католик или протестант, религия хоть и христианская, но иноземная, больше немцы да поляки к ней тяготели.

— Передел бы ты его.

— Сам такожды думал, да по рукам только что ударили.

Уселись за стол. Антип перекрестился, счёл молитву «Отче наш». За ним и Анастасия с Никитой повторили. Приступили к щам. Хлеб белый, душистый, мягкий, ныне в магазине такой не купишь — с разрыхлителем, улучшителем вкуса, через час после покупки крошится. И щи оказались очень вкусные, Никита большую миску умял, хотя вначале сомневался — осилит ли? Потом черёд пшенной каши с кусочками тыквы настал. Ели не спеша, обстоятельно. На Руси к еде относились всегда с почтением. Хлеб — он всему голова. Никита давно так плотно не ел. Утром и вечером бутерброды под чай, в обед в институтской столовой ел. А какая там еда? Суп пустой, куры синие своей смертью померли. А под конец в большие кружки Анастасия сыто налила, так назывался мёд, разбавленный водой или настоем трав. Духовитое сыто, сладкое. Понял Никита, откуда выражение пошло — наестся досыта, то есть полный обед съесть. За обедом молчали, а как встали из-за стола, хозяйку поблагодарили. Никита удивлён был. Вроде простая пища, без изысков, а вкусная и сытная. Антип вышел во двор, Никита за ним.

— Держи две деньги, московки, как уговаривались. Наперёд работы даю. Завтра с утра иди на торг, одежду себе подбери подобающую — рубаху, штаны, гашник. На ноги сапожки короткие, как у меня.

Никита усомнился, хватит ли денег? Уж больно неказисто выглядели и малы. Овальные, почти неправильной формы, с нечётким оттиском и лёгкие. Неубедительно смотрятся.

— А сейчас покажу твой угол. Раньше у меня там мастерская была. Печи нет, но тепло ноне, а к осени придумаем что-нибудь. Так что как барин спать будешь один на полатах.

Что такое полати, Никита не знал, оказалось — деревянная полка, прибитая к стене. Лавка, в отличие от полатей, на ножках, её передвигать можно. Народ спал и на лавках, и на полатах. Только богатые на западный манер кроватями обзавелись.

Комната в пристройке небольшая, три на два метра. Стол, табуретка, полати, в углу сундук. Оконце маленькое, в две ладони, вместо стекла слюда вставлена. Свет пропускает, а не видно ничего, все предметы расплывчатые.

— Почивай, не буду мешать.

Антип удалился. Никита на матрац улёгся. Жестковато, но спать можно. Стал вспоминать всё, что касалось алхимии.

Местом зарождения алхимии считается Александрия в Египте. После подавления римлянами в 296 году восстания при императоре Диоклетиане, центром становится Арабский Восток. Джабир ибн Хайян ввёл представление о философском камне, который может изменять соотношение серы и ртути в любом метал-

ле, превратив его в золото. Затем учение алхимиков проникает в Европу. В эпоху бесконечных войн, беспокойного мира только монастыри оставались спокойным местом, где можно было заняться наукой. Великий алхимик, доминиканец Альберт Великий в XII веке оставил труды по неорганической химии, значительно опередившие своё время. Его любимым учеником, продолжившим дело учителя, был Фома Аквинский. Арнольдо де Вилланова в XIII веке был не только алхимиком, но и врачом, объездил всю Европу, утверждал, что создал философский камень и с его помощью превращал свинец в золото. Раймонд Луллий, величайший из алхимиков, юность которого прошла в любовных похождениях, впоследствии стал монахом-францисканцем. Изучил арабский язык, чтобы читать фолианты алхимиков Востока. По преданиям, Луллий по просьбе короля Эдуарда трансформировал свинец в золото на шесть миллионов фунтов. Кроме того, смог получить эликсир бессмертия.

Центром алхимии постепенно становилась Франция, но в XIV веке папа римский Иоганн XXII запретил алхимию в Италии, положив начало «охоте на ведьм». Некоторые короли — Генрих VI, Карл VII, Рудольф II, Август Саксонский — содержали придворных алхимиков. Золото всегда было необходимо правителям, в первую очередь на войны и содержание двора. Ещё Наполеон Бонапарт говорил, что для успешного ведения войны нужны три условия — деньги, деньги и ещё раз деньги! Траты у королей были огромные, и все желали серебра и золота. В 1661 году Роберт Бойль опубликовал книгу «Химик-скептик», где убе-

дительно развенчал учение о превращении металлов. Постепенно алхимики перевелись.

Русь двигалась по своим законам. При дворе Иоанна IV был иностранец Элизеус Бомелиус, врач и алхимик, которого называли «волхвом зело лютым». Он готовил для царя яды, от которых жертвы умирали в означенную минуту. Но золото он так и не смог получить, был обвинён в измене и заживо сожжён на костре в 1580 году. Также при Иване IV служил алхимик Игнацио Даси, который разработал и ввёл передовые методы извлечения серебра из руды, вдвое повышавшие отдачу. Были и свои алхимики, исконно русские. Алхимией занимались монахи-старообрядцы Выговской пустыни, у Онежского озера. Покровительствовал им основатель пустыни — Андрей Денисов. Староверов привлекала не столько возможность получения золота, сколь наука каббалистическая, сокровенные тайны, скрытые в знаках. Андрей Денисов, знавший языки, первым перевёл труды Раймонда Луллия на русский. Были и одиночки — алхимики, большей частью работавшие тайно.

Никита к золоту относился равнодушно. За всю историю человечества во всём мире была добыта 161 тысяча тонн этого металла. Инки и ацтеки приписывали ему небесное происхождение. Солнечный металл не ржавел и не гнил, олицетворяя мечту о вечности. Поэтому любим был египетскими фараонами. Желанный и бесполезный одновременно. Из него нельзя строить, делать инструменты. Но как мерило товара в виде монет или ювелирных изделий он существует тысячи лет.

Незаметно уснул, а разбудил его Антип.